

ДЕТСТВО
В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ,
КАЗАХСТАНА И КАВКАЗА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

Д Е Т С Т В О
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
КАЗАХСТАНА И КАВКАЗА

Санкт-Петербург
1998

52 Абрамзон С.М. Рождение и детство... С. 130—131; Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 217; Дьяконова В.П. Детство в традиционной культуре... С. 172; Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование... С. 156; Серебрякова М.Н. Семья и семейная обрядность... С. 139—140.

53 Курылев В.П., Тохтобаева Ш.Ж. Магико-религиозная функция казахских украшений (рукопись).

54 Шатинова Н. Традиционные обряды алтайцев... С. 144.

55 Об обрядах, сопровождающих обрезание у народов Средней Азии, см.: Снесарев Г.П. К вопросу о происхождении праздника суннатой в его среднеазиатском варианте // ТИЭ. Л., 1971. Нов. сер. Т. 97. С. 257—262.

56 Задыхина К.Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // ТИЭ. М., 1951. Нов. сер. Т. 14. С. 161—164; Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 78.

В. П. Курылев

О НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИОННЫХ ПРИЕМАХ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЕ И УХОДУ ЗА ЛОШАДЬЮ У КАЗАХОВ

Пожалуй, впервые об этой теме я подумал, когда присутствовал вместе с О.Н.Понариной во время экспедиции летом 1985 г. в Павлодарскую область Казахской ССР при клеймении лошади. Молодой наш хозяин Кабиден Жайбусинов, управляющий 2-м отделением совхоза Жосалы Баян-Аульского района, расположенного в ауле Акша, был в отпуске. Он собирался ставить *тамгу* (клеймо) на свою новую лошадь и пригласил нас присутствовать при этом. Эта операция, как и в прежние времена, делалась специальным металлическим штампом, раскаленным на огне. Только если раньше для этого разводили костер, то теперь его роль выполняла паяльная лампа.

В целях безопасности лошадь поставили в узкий загон из досок, а повод узды Кабиден накрепко привязал. И тут произошел такой эпизод: дочь Кабидена — девятилетняя Асенгуль, которая была с нами, хотела взять свободный конец повода. Однако Кабиден взял у нее повод и передал его пятилетнему сыну — Аслану, сказав, что это мужское дело и именно мальчику полагается привыкать к лошади.

Тогда же он рассказал нам, что старается использовать любой случай, чтобы приучать к лошади своих сыновей — младшего сына и старшего, семилетнего Аскара, который уже умеет ездить верхом.¹

С какого же возраста у казахов начинают традиционно приучать детей, особенно мальчиков, к лошади, обучать верховой езде, умению оседлать ее, ухаживать за ней? О лошади, ее значении, особенно у кочевников-скотоводов Евразии, существует громадная литература. Достаточно сказать, что многие исследователи связывают использование лошади как основного верхового животного с самим становлением кочевничества как формы хозяйствования. Обширная литература существует также о культе коня.

Однако об обучении детей традиционным приемам верховой езды, особенно в этнографическом аспекте, сведений очень мало.² По крайней мере это можно сказать о таких исконных кочевниках-скотоводах, как казахи. Из доступной и просмотренной нами литературы можно назвать работу В.В.Радлова «Из Сибири. Страницы дневника», в которой находим несколько слов на эту тему. «Киргизы (казахи. — В.К.), — пишет он, — ездят на лошадях с раннего детства, уже в младенчестве их привязывают к *ашамаи* (детскому седлу). Поэтому неудивительно, что каждый взрослый мужчина — превосходный наездник. В седле киргиз сидит твердо и спокойно... Лошадь под киргизом никогда не устает».³ Дальше В.В.Радлов уточняет: «Для детей двух-четырех лет имеются детские седла (*бала ашамай*), к которым ребенка привязывают. Дети старше четырех лет ездят верхом уже в обычных седлах. Киргизы — подлинный народ всадников. Детьми они вырастают вместе с жеребятами и до смерти живут со своими лошадьми. Надо ли удивляться, что во всем, что с ними происходит, важную роль играет лошадь. Вместо того, чтобы сказать „слева“, киргиз употребляет выражение *минар йак* (т.е. сторона, с которой садятся на лошадь), а вместо „справа“ — выражение *камшы йагы* (т.е. сторона, с которой держат кнут). В любом возрасте, на любом семейном торжестве лошади отведено почетное место».⁴

Важные сведения по интересующей нас теме содержатся в статье «Обычаи киргизов Семипалатинской области», напечатанной в журнале «Русский вестник». В ней рассказывается, как у казахов Семипалатинской области в 70-х гг. прошлого

века совершалось празднество по случаю первого сажания мальчика 3—5 лет на лошадь. Его родители в назначенный день кололи скот и созывали одноаульцев. После угощения и потешной *байги* («конской скачки») мужчины расходились, оставались только женщины и один мужчина — самое почетное лицо в ауле. Женщины выносили из юрты ребенка, а отец и мать передавали его почетному гостю, который и подсаживал ребенка на седло к джигиту. Джигит возил мальчика по аулу, и все ему что-нибудь дарили: кто детское седло (*арчак*), кто подпругу, кто коня, кто *курт* и *иримчик* (виды сыров), узду и т.п. После этого при перекочевках мальчик ездил уже не на одной лошади с матерью, а отдельно. Обычно ребенку назначали жеребенка от любимой кобылы, родившегося в один год с ним; их воспитывали чуть ли не вместе, так что к тому времени, когда ребенка сажали на него, жеребенок бывал уже совершенно выездженным.⁵ У Р.Карутца в его монографии о казахах и туркменах Мангышлака говорится следующее: «Он (ребенок. — В.К.) рано научается ездить верхом; на это есть особые детские седла, которые имеют спереди и сзади высокие, большей частью украшенные резьбой луки, так что маленький наездник не может выпасть».⁶

Примечательно, что такие сведения можно найти в казахском фольклоре. Приведем только один пример, с нашей точки зрения, наиболее содержательный. Это небольшое предание о детстве Байулы, легендарного родоначальника двенадцати больших родоплеменных объединений казахов Младшего жуза. Оно записано известным казахским педагогом и просветителем второй половины XIX в. И.Алтынсариним, очевидно, в период с 1870 по 1878 г. В нем рассказывается следующее. «Байулы было семь лет. Аул собрался кочевать. Многие ребята сели верхом, кто на своих стригунов, кто на коней, только один мальчик стоял со слезами на глазах и смотрел на них. Байулы, увидев его, подошел к нему и спросил: — Ты что же не садишься на свою лошадь? Мальчик с грустью в глазах ответил: — У меня нет лошади. Во время кочевки я всегда сажусь с матерью на верблюда. Тогда Байулы

слез с лошади, подошел к отцу и говорит ему: — Когда меня в первый раз посадили на лошадь, вы мне подарили стригуна-иноходца с седлом. Если я этого стригуна отдам кому-нибудь, вы не будете меня бранить? — Кому же ты хочешь отдать его? — спросил отец. Мальчик растерялся и, немного помедлив, указал пальцем на сына бедняка. Отец понял, поцеловал его и сказал: — Своего стригуна кому хочешь, тому и можешь отдать». ⁷

Обратимся к материалам наших полевых исследований. Пожалуй, наиболее полноценное сообщение о традиционных приемах обучения детей верховой езде у казахов содержится в рассказе информатора Файзуллы Урмузова (1920 г. рожд.), жителя поселка Кумкент Сузакского района Чимкентской области, записанном нами во время экспедиции в 1988 г. ⁸ Мы изложим то, что он рассказал, добавляя или уточняя некоторые моменты по мере необходимости данными, полученными от других информаторов.

Сыну в 6-летнем возрасте посвящали хорошего жеребенка, ставили ему метку. Как правило, это был одно-двухгодовалый жеребенок — *тай*. На уши жеребенка, а также на недоуздок повязывали кисточки — *шашак*. По сообщению Б.Белгожиной из селения Сары-Тургай Амангельдынского района Тургайской области, ⁹ «при такой церемонии баи (богатые скотовладельцы. — В.К.) проводили той (праздник). На семейном совете назначался день тоя. Затем ребенка сажали на *тая* (двухлетнего коня), а подростка — на *кунана* (трехлетнего коня), которого покрывали специально сшитой красивой, с орнаментом, попоной; мастера (*уста*) делали по заказу бая к этому случаю маленькое седло, отделанное серебром или золотом. ¹⁰ Надевали на коня богатую уздечку или наузник тоже с богатой отделкой, и кто-нибудь из близких родственников или друзей бая водил коня с ребенком под уздцы и обходил родных и знакомых, приглашая на той... У тая-кунана... сбоку висел *ашамай-коржин* — мешочек со сладостями. Приглашенные отведали из него угощения и тут же объявляли *байгазы* — подарки, какие они подарят ребенку и привезут к тою. Самыми богатыми подарками считались

хороший *жорга* (рысак) или ковер». Н.Ж.Шаханова сообщила, что у казахов Бастандыкского района Ташкентской области Узбекской ССР (раньше этот район относился к Чимкентской области Казахской ССР) обряд подсаживания на коня назывался *ул той*. ¹¹ «Верхового коня, — рассказала она, — на которого сажали мальчика, приводили в полном убранстве. Это убранство изготовляла сторона нагаши, т.е. родственники по матери. Оно состояло из седла с посеребренными накладками, посеребренной уздечки, наколенников с посеребренными накладками, ковровой попоны (часто сшитой из разноцветных лоскутков — *курак*), капюшона на голову коня, также из лоскутков с отверстиями для глаз и наушниками, на кончики которых пришивали обереги — перья филина. Из числа нагаши выбирался самый старший и авторитетный нагаши-ата, к которому подсаживали мальчика». ¹² Не правда ли, церемонии сажания ребенка впервые на коня у казахов поразительно совпадают, несмотря на различия во времени и месте их проведения. Представляется, что такое могло быть только в том случае, если эта церемония была характерна для всех казахов, что свидетельствует о древних корнях этой церемонии в истории кочевого общества.

Вернемся к занимающей нас теме. Мальчика приучали давать лошади-стригунку сено и т.п. Некоторые отцы нарекали жеребенку имя и приучали отзываться на него, когда давали сено, фураж, поили. Если жеребенок был на выпасе, то ребенка посылали за ним с куском хлеба, чтобы тот привыкал к мальчику — своему хозяину. Старались, чтобы мальчик сам пригонял подаренного ему стригунка, чтобы между ними установилась привязанность. Делалось это по нескольким соображениям. Во-первых, когда мальчик подрастет, конь будет отзываться и приходить на зов хозяина. Во-вторых, если с хозяином что-либо случится, например он будет ранен в бою и упадет с коня, то последний останется при нем и будет ждать.

6—7-летнего мальчика отец сажает на стригунка, водит его за собой и учит скакать; показывает, как правильно садиться на коня, держать поводья. Особенно важно научить

ребенка держаться в седле так, чтобы не упасть в том случае, если на всем скаку приходится делать резкий поворот. Постепенно к 10 годам мальчика учили поднимать, не сходя с лошади, предметы с земли. Как известно, у казахов бытовали состязания по поднятию с земли монеты на всем скаку.¹³ Сделать это мог наиболее искусный наездник. «В другом месте, — пишет В.В.Радлов, — происходили иные игры: на землю был положен серебряный ямб. Наездник должен был рысью проскакать мимо и, резко перегнувшись с седла, схватить рукой серебряную монету. Каждый раз, когда один из наездников, пытаясь схватить монету, падал с лошади, поднимался общий хохот. Я только два раза видел, как наезднику посчастливилось схватить монету. После каждой удачи раздавались громкие одобрительные крики, и монета доставалась победителю в качестве награды».¹⁴

Опытные отцы с юных лет приучали сыновей выполнять различные маневры, например, догнать на всем скаку кого-либо, повернуть коня в другую сторону, уметь уходить от погони с поворотом. Особое внимание обращали на то, чтобы воспитать у мальчика храбрость и мужество, которые требовались, например, когда надо было на всем скаку пронестись через середину мчащегося навстречу табуна лошадей. Недалом в казахском героическом эпосе об Алпамыс-батыре есть такой эпизод. «На просьбу (мальчика Алпамыса. — В.К.) к табунщику Култаю дать коня, тот ответил: — О дитя мое! Я наметил с хорошими намерениями одного коня. Так вот, ты приляг у камня, а я погоню весь табун на тебя и посмотрю, насколько ты молодец и мужествен».¹⁵

Раньше мальчика учили не только верховой езде, но джигитовке и владению оружием, умению наносить противнику удары и уклоняться от них. Для этого обучали его быстро и ловко соскользнуть на один бок лошади и таким образом избежать удара, а затем быстро нанести свой, ответный. Вместо боевой деревянной палицы — *сойыла* мальчику во время верховой езды давали в руки легкую палку и учили фехтовать ею.

Со слов другого информатора — Турсунбека Бейсенова

(1920 г. рожд.), жителя города Арысь Арысского района Чимкентской области Казахской ССР, с которым мы беседовали во время экспедиции 1988 г., не обязательно отец должен был учить ребенка верховой езде. Это мог делать старший брат. В том случае, когда не было специального детского седла, на лошадь клали что-нибудь мягкое, например подушку или одеяло, закрепляли их и сажали обучающегося.

Т.Бейсенов уточнил, что к 12 годам мальчик должен хорошо ездить верхом на лошади. Так, наш информатор в 13 лет уже участвовал в конных скачках у казахов — байге. Он же сообщил интересную деталь, связанную с участием в этом состязании. Перед скачкой тренер положил ему в рот шарик, скатанный из конского волоса. Оказывается, во время скачки, в которой участвует много, иногда более сотни, лошадей, поднимается такая пыль, что, если бы не этот шарик, вызывающий обильное слюноотделение, мальчик-наездник мог бы просто задохнуться.¹⁶

Почти все информаторы подчеркивали, что верховой езде у казахов обучались не только мальчики, но и девочки, причем последние участвовали иногда в байге. Девушка была основным действующим лицом в традиционной конной игре казахов — *кыз куу*. Игра заключалась в том, что в круг молодежи въезжала на коне девушка и шутками и насмешками пыталась подзадорить находящихся здесь молодых парней-джигитов, а нередко даже «угощала» их ударами плети. Тогда кто-нибудь из парней вскакивал на коня и начинал преследовать девушку. Считалось очень позорным для джигита, если он не мог ее догнать.¹⁷ Очень красочно это состязание описывает В.В.Радлов: «Девушки и юноши скачут парами. Девушке дается фора в несколько корпусов коня, а затем юноша должен догнать свою противницу. Если ему это удастся, он получает право обнять ее и обеими руками коснуться ее груди. Девушке же разрешается пустить при этом в дело свою плетку. Эта игра — великолепное зрелище, если девушки и юноши искусные наездники и если у них хорошие лошади. Кони летят стрелой. Вот всадник настиг девушку. Но как только он наклоняется вперед, чтобы

схватить ее, плетка со свистом рассекает воздух. Однако юноша не зевает, он быстро пригибается, и кнут пронесется над его головой. Если юноше удастся схватить свою добычу, возвращающуюся пару встречают громкими приветствиями. Нередко незадачливый наездник падает с лошади и возвращается ни с чем, с кровоточащими царапинами на лице. Тогда ликует женская половина играющих». ¹⁸

Уже в подростковом возрасте казахские дети настолько овладевали искусством верховой езды, что, по словам известного казахского исследователя С.Е.Толыбекова, принимали участие в укрощении и приручении диких необъезженных лошадей. «В малолощадных хозяйствах, — пишет он, — табунщики и подростки занимались укрощением и приручением к верховой езде молодняка. Они ездили на нем верхом один-два дня, а потом отпускали... Верховом на молодняке подростки пасли верблюдов, ягнят, направляли табуны лошадей во время кочевки и т.д.». ¹⁹ Об этом же сообщает А.К.Гейнс: «Киргизы (казахи. — В.К.) с юных лет приучаются управлять лошадью, едва мальчик окрепнет, как ему дается полная свобода укрощать диких степных коней, а постоянное кочевание, забава и охота еще более утверждают их в наездничестве и проворстве». ²⁰ У нас есть данные, уточняющие возраст молодых укротителей лошадей. «Обучением лошадей, — сообщает А.И.Добросмыслов, — верховой езде занимаются или пастухи или молодые люди 14—16 лет — дети владельцев лошадей». ²¹ Он же отмечает, что у казахов было принято рано приучать лошадей к верховой езде. «К верховой езде киргизы (казахи. — В.К.) приучают лошадей очень рано: на таях (по второму году) уже разъезжают верхом дети... лошадь на втором году жизни, по их понятиям, считается вполне способной нести ездока». ²²

С раннего детства у казахов приучали ребенка, особенно мальчика, к производственным навыкам. Например, отец сажал 2—3-летнего ребенка впереди себя на седло и отправлялся с ним пасти овец, пригнать табун лошадей или верблюдов. К 6—7 годам ребенок уже распознавал скот и мог сам, без помощи родителей, отделить свой скот от общего

стада, пригнать его домой. В зимнее время дети чистили загоны для скота от навоза и остатков сена.

Обязанности детей по уходу за скотом, в том числе лошадьми, были сложными и трудоемкими. Чтобы наглядно представить их, расскажем о том, что должен сделать мальчик с лошадью, которая возвращалась после участия в кокпаре. Известно, что у казахов, как и у других народов Средней Азии, одним из самых любимых видов традиционного развлечения была конно-спортивная игра козлодрание, или по-казахски *кокпар*. Она заключалась в том, что каждый из ее участников стремился вырвать у другого тушу козленка и доставить ее судьям. Игра требовала как от всадника, так и от его лошади особых качеств, колоссальных физических усилий. Досман Кашкынбаев (1916 г. рожд.), проживающий в настоящее время в отделении Джамбул поселка Карасапанский Арысского района Чимкентской области, был в свое время известным *кокпаршы*, т.е. участником игры в козлодрание. Во время нашей встречи (1988 г.) он рассказал о том, как ему помогал ухаживать за лошадью после возвращения с кокпары даже не сын, а соседский мальчик Юсуп, который, правда, проявлял повышенный интерес к лошадям с самого раннего детства. Мальчику тогда было 7 лет. (В настоящее время Юсуп Сарыев — один из лучших кокпаршы в Казахстане. В 1988 г. он стал обладателем первого приза и чемпионом на Всесоюзных соревнованиях по этому виду спорта, которые проводились в Грузии).

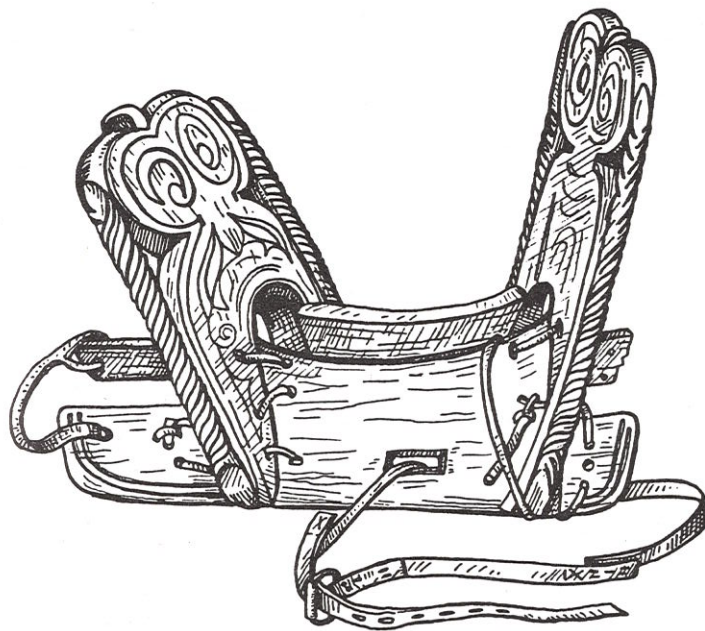
Всякий раз, когда Д.Кашкынбаев возвращался с кокпары, его непременно встречал Юсуп. Приблизительно через полчаса он чуть-чуть распускал на лошади подпругу. Еще через полчаса нужно было снять уздечку и поставить животное кормиться на сено. Как правило, это было вечером. Еще через два часа мальчик давал лошади зерно в торбе (3—4 кг пшеницы) и следил, чтобы оно было съедено в течение 30—45 минут. Д.Кашкынбаев рассказывает, что в это время было уже поздно, мальчик хотел спать, а его заставляли снять седло и покрыть лошадь теплой попоной, чтобы она не простыла. Кончалось все это около 3 часов ночи. А уже к 7 часам утра

мальчика будили и приказывали напоить животное, которое к этому времени полностью остывало. Мальчик снимал с лошади попону и давал выпить до 3 ведер воды. Потом с помощью специальной щетки мальчик счищал с лошади соль и ставил ее опять кормиться сеном. Часам к 11 утра он седлал лошадь и прогуливал ее приблизительно в течение получаса, а потом мыл всю лошадь около арыка или речки.

Так, по мнению Д.Кашкынбаева, воспитывается ответственность ребенка по отношению к лошади, растет привязанность к ней. Он также считает, что детей надо учить ухаживать за лошастью, чтобы они знали, сколько и когда надо ей дать зерна, воды, сена и т.п., и тогда к 10—12 годам мальчику можно полностью доверить лошадь.²³

Как уже отмечалось, обучение верховой езде на лошади у казахов традиционно производилось с помощью специального детского седла — *ашамай*, *арчак*. Такое седло имело высокие переднюю и заднюю луки, что позволяло ребенку устойчиво держаться в нем. «Киргизы (казахи. — В.К.), — пишет Х.Кустанаев, — с ранних лет приучают своих детей к верховой езде, устраивая для этого особого рода седла, с которых совершенно нельзя упасть».²⁴ Экземпляр детского седла хранится в собраниях отдела Средней Азии и Казахстана МАЭ. Оно было приобретено у казахов Мангышлака, принадлежавших к большому родоплеменному объединению адай Младшего жуза, во время экспедиции автора данной статьи совместно с сотрудниками Института Н.Ж.Шахановой и С.Б.Фараджевым в 1979 г.²⁵ Мангышлакские казахи называли это седло ашамай. Оно также имеет высокие переднюю и заднюю луки, богато украшенные резьбой (см. рис.).

В.В.Радлов также сообщает, что детское седло у казахов называлось *ашамай* или *бала ашамай*.²⁶ Однако казахи Семипалатинской области называли его *арчак*, а А.И.Левшин в своей книге — *айрмач*.²⁷ «Сама верховая езда, — пишет он, — начинается в возрасте 3—4 лет, когда мальчика сажают на коня в специальное седло айрмач».²⁸ Отметим, что у киргизов Тянь-Шаня, по сообщению С.М.Абрамзона, было

распространено детское седло, сходное по типу с казахским, которое также называлось *айырмач*.²⁹ Получается, что, несмотря на различные названия, казахские детские седла имели одинаковое устройство, которое позволяло ребенку устойчиво держаться верхом на лошади. В некоторых случаях при обучении детей верховой езде седло заменяла мягкая подстилка.

В то же время у нас есть данные, свидетельствующие, что казахские седла делались с учетом возраста лошади. Так, на жеребенка одного-двух лет надевали самое маленькое седло — *тай ер* (*тай* — «жеребенок-двухлетка», *ер* — «седло»), на лошадь трех лет — *кунан ер* (*кунан* — «лошадь-трехлетка»), седло под взрослого коня — *куранды ер*. Они различаются между собой только размерами.³⁰

Таким образом, казахские седла для обучения детей верховой езде можно условно разделить на две группы. К

первой относятся седла, которые в первую очередь приспособлены к тому, чтобы ребенок во время учебы устойчиво держался на лошади, иначе говоря, они делались в интересах маленького седока. Вторая группа седел в большей степени учитывает возраст и размер самой лошади, хотя, конечно, самое маленькое из них — тай ер предназначалось также для обучения детей верховой езде.

Во время уже упоминавшейся экспедиции на Мангышлак были приобретены два детских стремени из цветного металла.³¹ В имеющихся в нашем распоряжении материалах не встречались указания на бытование у казахов наряду с детскими седлами детских стремян. Представляется, что это произошло потому, что они просто подразумевались, когда речь заходила о казахских детских седлах.

Подводя итоги всему вышеизложенному и несмотря на фрагментарность фактического полевого материала, мы можем сделать следующие выводы: у казахов традиционно существовали определенные этапы обучения детей верховой езде на лошади и уходу за ней. Впервые ребенка сажали на лошадь, причем обязательно в сопровождении взрослого, в возрасте около 3 лет. У казахов, как и многих других кочевых скотоводческих народов (киргизов, башкир, ставропольских туркмен, ногайцев и др.) существовала специальная церемония посадки ребенка на коня, на которой ему обычно дарили лошадь и другой скот. К этому же времени изготавливали детское седло. Затем ребенка постепенно приучали к верховой езде в одиночку. К 5—7 годам он уже ездил самостоятельно, его начинали приучать к уходу за лошастью. В 10—12 лет подростки полностью овладевали всеми тонкостями искусства верховой езды на лошади, могли самостоятельно ухаживать за ней, как, впрочем, и другим скотом. Это полностью совпадает с традиционным представлением казахов, что молодые люди в возрасте 10—14 лет считались вполне созревшими для того, чтобы иметь собственную семью и вести свое хозяйство.

Все вышесказанное свидетельствует о традиционных способах и методах приобщения детей к культуре взрослых. Это

является также наглядным подтверждением действия механизма передачи культурных явлений в кочевом обществе.

1 ПМА. Этнографическая экспедиция в Павлодарскую обл. КазССР в 1985 г. (в дальнейшем — ЭЭ ПО КазССР, 1985) // Арх. МАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 1432, л. 30—32.

2 Даже в прекрасной работе В.В.Ковалевской о развитии коневодства на Востоке и в евразийских степях ничего не сказано об обучении детей верховой езде, хотя целая глава посвящена, например, тренингу лошадей у кеттов. См.: Ковалевская В.В. Конь и всадник: Пути и судьбы. М., 1977.

3 Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 280.

4 Там же. С. 281—282.

5 Обычаи киргизов Семипалатинской области // Русский вестник. 1878. № 9. С. 59—60.

6 Каруц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910. С. 84.

7 Алтынсарин И. Собр. соч. Алма-Ата, 1975. Т. 1. С. 109.

8 ПМА. Этнографическая экспедиция в Чимкентскую область КазССР в 1988 г. (в дальнейшем — ЭЭ ЧО КазССР, 1988) // Арх. МАЭ, ф. К-1, оп. 3, д. 1590, л. 18, 96—98.

9 Личное письмо Б.Белгожиной автору, 1988 г.

10 Б.Белгожина в письме сообщает, что на коня сажали детей в возрасте от 3 до 7 лет. Очевидно, трехлетнего она считает ребенком, а семилетнего — подростком.

11 Устное сообщение Н.Ж.Шахановой, за которое выражаю ей благодарность.

12 См. также статью А.В.Коновалова и Н.Ж.Шахановой в настоящем сборнике.

13 Народы Средней Азии и Казахстана // Народы мира: Этнографические очерки. М., 1963. Т. 2. С. 444.

14 Радлов В.В. Из Сибири... С. 318.

15 Диваев А.А. Алпамыс-батыр (киргизская поэма) // Материалы для статистики Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1902. Т. 10. С. 54.

16 ПМА. ЭЭ ЧО КазССР, 1988, д. 1591, л. 17—19.

17 Народы Средней Азии и Казахстана. С. 444.

18 Радлов В.В. Из Сибири.... С. 319.

19 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века: Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. С. 547.

20 Гейнс А.К. Собр. лит. трудов. СПб., 1897. Т. 1. С. 74.

21 Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895. С. 111.

22 Там же. С. 108. Об этом см. также: Барминцев Ю.Н. Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата, 1958. С. 52.

23 ПМА. ЭЭ ЧО КазССР, 1988, д. 1591, л. 43.

24 Кустанаев Х. Этнографические очерки киргизов Перовского и Кизалинского уездов. Ташкент, 1894. С. 39.

25 МАЭ, № 6852-27.

26 Радлов В.В. Из Сибири... С. 280, 281, 282.

27 Обычаи киргизов Семипалатинской области. С. 59—60; *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3. С. 108.

28 Там же.

29 *Абрамзон С.М.* Рождение и детство киргизского ребенка // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 137.

30 ПМА. ЭЭ ЧО КазССР, 1988, д. 1591, л. 39—44.

31 МАЭ, № 6852-25, 26.

Ю. М. Ботяков, О. А. Ботякова

РАННЕЕ ДЕТСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ, ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ ТУРКМЕН

Изучение детского периода жизни человека и связанной с ним обрядности неоднократно привлекало внимание этнографов. Благодаря серьезным и компетентным исследованиям М.С.Андреева,¹ О.А.Сухаревой,² А.Л.Троицкой,³ С.М.Абрамзона⁴ и других, имеется определенный опыт сбора и интерпретации материала по этнографии детства у народов Средней Азии. В этом отношении туркмены изучены недостаточно полно. Среди специальных публикаций на интересующую нас тему можно назвать работы Ш.Б.Аннаклычева,⁵ К.Ниязклычева,⁶ А.Союновой.⁷ В общем контексте семейно-брачных отношений описание обычаев и обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей у туркмен, содержится и в ряде других работ.⁸

Цель данной статьи — обобщить уже известные материалы литературных источников и ввести в научный оборот новые данные, полученные за последние годы в результате работы Туркменского отряда среднеазиатской экспедиции МАЭ.

Предлагаемая работа посвящена началу жизни туркменского ребенка — периоду раннего детства. Здесь возникает необходимость установления хронологических рамок означенного периода. Его нижняя граница четко фиксирована самим фактом появления ребенка на свет, верхняя же, довольно зыбкая, варьирует в диапазоне от 1.5 до 3 лет. Периоду раннего детства синонимичны определения «младен-

АН СССР

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ТРАДИЦИОННОЙ
ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДОВ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ТРАДИЦИОННОЙ
ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДОВ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Выпуск 2

МОСКВА 1990

В сборнике рассматриваются различные аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии, отдельные социальные институты, связанные с военным делом, их взаимосвязь с другими общественными структурами. Ряд статей посвящен изучению влияния войны на некоторые компоненты материальной культуры, а также непосредственно на оружие и защитные сооружения.

Ответственный редактор

В.П.КУРЫЛЕВ

Рецензенты:

П.И.ПОГОРЕЛЬСКИЙ, Д.Г.САВИНОВ

В. П. К у р ы л е в

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ ТЮЛЕНГУТОВ У КАЗАХОВ

Институт тюленгутов у казахов неоднократно подвергался изучению как в дореволюционный, так и в советский период.¹ Однако вплоть до наших дней у ученых не сложилась единая точка зрения на многие вопросы, связанные с этим институтом. Не затрагивался, например, вопрос о времени его происхождения. В настоящей статье мы постараемся рассмотреть, опираясь на предшествующие исследования, а также некоторые новые материалы, находящиеся в нашем распоряжении, социальное положение тюленгутов как военной дружины казахских ханов и султанов.

В.Ф.Шахматов в статье, специально посвященной изучению названного института, дает довольно подробный обзор литературы по данной социальной группе у казахов.² Он пишет, что "впервые в дореволюционный период вопрос о тюленгутстве затронул А.Левшин в своей известной работе «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» (1832)".³ Согласно обзору Шахматова, о тюленгутах писали Н.Небольсин, Л.Мейер, Ф.Красовский, А.Харузин, Н.Аристов, Н.Крафт, М.Бродовский, Ч.Валиханов и др.⁴ "Лучшей сводной работой о тюленгутах, — считает Шахматов, — изданной в дореволюционный период, является статья Ф.Зюбина «К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи»".⁵ Добавим от себя к этому списку работу Н.Гродекова, который писал: "Тюленкуты были клиенты и джигиты из бедных, служившие у тюрей (султанов. — В.К.) и усыновляемые ими. Прежде они служили из-за недела имуществом (инчи), из-за ка-

лыма и вообще из-за пропитания. После получения калыма или ины они продолжали у своих господ службу, от которой имели разные доходы. Прежние тюленгуты служат еще и теперь, но за плату. Название это выходит, впрочем, из употребления".⁶ О тюленгутах есть указания в работах Я. Янушкевича,⁷ А. К. Гейнса.⁸ О них упоминается также в публикациях Переселенческого управления,⁹ а также в некоторых других.

В советское время вопрос о характере института тюленгутов рассматривался в основном в общем контексте исследования казахского общества в период средневековья как классового, феодального. Так, например, А. П. Чулошников, который первым из советских историков остановился на изучении этого института у казахов, считал, что в результате ранней имущественной и социальной дифференциации казахского кочевого общества "вырастала всякая материальная необеспеченность, вплоть до самой острой нужды, которая и заставляла особенно пострадавших хозяев искать себе спасения только в поддержке других более состоятельных табуновладельцев; и так как таковыми были чаще всего ханы и султаны, уже тогда распоряжавшиеся лучшими пастбищами и гораздо большими стадами скота, то около них и собирались эти разорившиеся степняки, ценою некоторой утраты независимости покупавшие возможность дальнейшего существования. Так складывался в киргизской (казахской. - В. К.) степи тюленгутизм, с годами все более и более усиливавшийся и имевший самые разнообразные оттенки зависимости, но никогда не спускавшийся все же до простого крепостного состояния. И может быть, никто другой не дал лучшего определения этого общественного института, как Загряжский, который сказал то, что манан (дворянин у каракиргизов, у которых султанов нет) называет джигит, то в отношении султана - тюленгут. А джигит, как известно, значит наездник, конный воин. Вот такой-то вооруженной дворней, или вернее почетной вооруженной стражей, и являлись тюленгуты в степи, окружая хана и его родственников и всегда и везде являясь их последней и надежнейшей опорой. Одним словом, это была какая-то промежуточная ступень между западноевропейским вассалом, с одной стороны, и его крепостными

людьми - с другой, но во всяком случае более приближавшаяся к первому, а не к последним. И только позже, с развитием рабства и общим изменением условий существования в еще более худшую сторону, тюленгутизм начал сближаться с первым и даже переходить в него, но это произошло во всяком случае не ранее конца XVIII века".¹⁰ И далее автор еще раз подчеркивал, что состоявшие при ханах и султанах тюленгуты "составляли собой единственную их опору и были у них чем-то вроде почетной военной стражи".¹¹

Мы специально позволили себе привести столь пространную цитату, ибо в ней раскрыты два основных положения, характеризующих институт тюленгутов у казахов: первое - тюленгутами становились те, кто искал покровительства, защиты; второе - став тюленгутами, они, потеряв несколько в независимости, становились воинами, защитниками под руководством ханов и султанов.

Известный советский историк-казаховед М. Вяткин в статье, также специально посвященной институту тюленгутов у казахов, пришел к выводу, что они в XVIII в. представляли собой определенную, не всегда однородную социальную группу, находившуюся в услужении кочевых феодалов - ханов и султанов: "Тюленгуты составляли штат «придворных служителей»... казахских владельцев и были связаны с ними отношениями личной, а не крепостной зависимости, выполняли их личные поручения, по преимуществу же, в подавляющем большинстве случаев, составляли их дружину".¹² В связи с тем, что тюленгуты пастби свой скот на земле своих владельцев, они находились в феодально-зависимом отношении к последним.¹³ Со временем социальное положение тюленгутов, согласно Вяткину, изменялось в соответствии с общим развитием феодальных отношений в казахской степи: "По мере того, как падала политическая самостоятельность феодальной знати, по мере того, как эта знать из вассальных владельцев превращалась в царских чиновников в Орде, отпадала и потребность в военных дружинах. Тюленгут, оторванный от своей общины, неразрывно связанный с феодалом в земельном отношении, политически и экономически превращался в беспомощную фигуру...

Но даже и в начале XIX в., когда положение тюленгута приближилось к положению крепостного, в отдельных случаях, тем, что еще продолжало сохраняться прежнее значение власти султана и хана как вассальных владельцев, тюленгуты продолжали выступать в прежней роли дружинников".¹⁴ Эти основные положения об институте тюленгутов Вяткин повторил в своей обобщающей работе по истории Казахстана.¹⁵ "Взимание повинностей требовало и соответствующего аппарата принуждения. При хане и султанах состояли особые дружины так называемых тюленгутов — то же, что нукеры у узбеков или ранее у монголов. Это личная дружина хана и султана, кочующая вместе с ним и обязанная ему вассальной верностью. Впоследствии положение тюленгутов в казахском обществе изменилось, и в социальном отношении они приблизились к положению крепостных. Но это произошло значительно позже, не ранее первой четверти XIX в.". ¹⁶ Далее автор уточняет последнее положение: "Из отношений вассалитета тюленгутизм превращался в патронат".¹⁷

Н. Устюгов в своей рецензии на статью М. Вяткина возражает против сближения казахских тюленгутов с нукерами монгольских и узбекских ханов. Он пишет: "Если искать аналогии тюленгутам в условиях развития других феодальных обществ, то, думается, следовало бы обратиться не к монгольским нукерам, которые были и остались феодалами, а к западноевропейской коммандации и русскому закладничеству".¹⁸ Рецензент предлагает считать тюленгутов дворовыми слугами, которые в условиях казахского общества "использовались главным образом как военная сила".¹⁹ Нам представляется, что эти замечания рецензента не совсем корректны. Институт коммандации, например, оформлял различные реальные отношения. Это могли быть и отношения вассалитета внутри складывающегося господствующего класса феодалов, и юридически оформленная зависимость крестьянина от феодала. То же самое можно сказать и в отношении русского закладничества, ибо в этом положении могли оказаться люди различного имущественного состояния, а при определенных условиях и горожане, желавшие освободиться от тяжелых государственных налогов.

Что же касается характеристики тюленгутов как дворовых слуг, используемых в качестве военной силы, то чем такие слуги отличаются от дружинников в раннефеодальном обществе?²⁰ Мы скорее готовы поддержать мнение С. Фукса, который считает, что нельзя согласиться, во-первых, с утверждением М. Вяткина о превращении тюленгутизма в патронат, так как патронат есть дофеодальный институт.²¹ Во-вторых, с тем, что к XIX в. тюленгуты, согласно Вяткину, переродились в крепостных.²² Фукс ссылается при этом на два основных письменных источника: показания казахских биев, собранные Ф. Зобниным,²³ а также материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений д'Андре в 1846 г.: "О тюленгутах". Имя при себе султанами тюленгутов, — сообщает д'Андре, — нельзя называть преимуществом «белой кости», но скорее потомственным достоянием, перешедшим от предков, принявших под свое покровительство людей, которые искали в прежнее время защиту у каждого ордынского властелина от беспрерывных в то время междоусобиц. Бывало, что целыми семьями являлись к султанам, прося покровительства и средств к существованию, взамен предлагая свои услуги, а в военное время быть вроде телохранителей.

Нередко цель сделать тюленгутом хана или султана была скрыться от какого-либо законного преследования. С тех пор, образовав целые аулы, пришельцы эти из разных родов и отделений кочуют постоянно вместе с султанами, не отличаясь, впрочем, ничем от простого киргизца (казаха. — В.К.), кроме одного права клеймить скот свой султанским тавром.

Тюленгуту не воспрещается откочевать со своим семейством от султанских аулов, но при первом востребовании он должен явиться на прежние свои кочевья.

Обязанности тюленгутов не определены. По усмотрению иногда бывают рассылными, поверенными и вообще занимают малообременительные должности.

Семейством, равно как и имуществом, тюленгута распоряжаться никто не вправе. Судятся биями и другими наравне с прочими ордынцами. Особых повинностей султану не несут".²⁴

Мы сознательно полностью привели сообщения, собранные д'Андре во время 2,5 месяцев работы в степи от знатоков казахских обычаев — биев и аксакалов (старейшин). Подчеркнем, что в них нет ни малейшего намека на крепостное состояние тюленгутов, хотя сбор материалов производился в первой половине XIX в. Напомним, что, согласно М.Вяткину, тюленгуты уже к началу этого века приближались к положению крепостных.

В.Ф.Шахматов в уже упоминаемой выше статье, специально посвященной институту тюленгутства, проанализировав все имеющиеся в его распоряжении письменные источники и литературу по этому вопросу, а также архивные документы, пришел к следующему выводу: тюленгуты не представляли однородной социальной группы, что в свою очередь исключало однородность их правового (в тексте, правда, стоит "правого"; мы полагаем, что это опечатка) положения в обществе. Были очень богатые тюленгуты, имевшие скота больше, чем их султаны. Автор отмечает некоторые правовые нормы, общие для всей группы тюленгутов. Тюленгут независимо от его имущественного положения передавался султанами по наследству от отца к сыну. Он был свободен от сборов и налогов в пользу ханов, т.е. правительства. По косвенным данным, можно считать, что тюленгуты не несли налоговых обязательств и по отношению к своим султанам. По крайней мере те тюленгуты, которые являлись слугами, охраной султана, работали в его хозяйстве, налогов ему не платили. В то же время в источниках нет указаний, что султаны платили налог хану за своих тюленгутов, хотя после присоединения Казахстана к России правительством был введен ясак за тюленгутов, который платили именно султаны. По своему правовому положению, а также семейно-брачным нормам тюленгуты были приравнены к обычным казахам.

В.Ф.Шахматов считает, что после присоединения Казахстана к России царское правительство стремилось свести на нет значение султанов-чингизидов в казахском обществе. В 1822 г. ликвидируется ханская власть в Среднем жузе, в 1824 — в Малом. Междоусобицы в степи прекратились, так же как набеги султанов друг на друга. В связи с этим отпала необходимость в тюленгу-

тах-воинах. С успокоением степи отпала необходимость у рядовых казахов обращаться за покровительством к султанам. Более того, тем тюленгутам, которые имели свое хозяйство, не было необходимости оставаться у султана. Они начали кочевать самостоятельно, присоединились к каким-либо родам и аулам, образовывали отдельные аулы тюленгутов. Этот процесс доходил до того, что в ряде случаев тюленгутов — выходцев из различных родов и даже народностей казахи стали называть принадлежавшими к роду Тюленгут. Они продолжали клеймить свой скот султанской тамгой.

В то же время султаны, особенно те из них, которые занимали важные должности, пытались сохранить за собой тюленгутов. Мало того, они прилагали усилия, чтобы свести тюленгутов до положения крепостных.²⁵ Добавим от себя, опираясь на материалы, содержащиеся в работе Ф.Зобнина, что на посягательство султанов закрепить тюленгутов толкало знакомство их с крепостными порядками в России, а также то, что в "Уставе о сибирских киргизах" от 1882 г. отсутствовало положение о тюленгутах, а говорилось только о рабах и невольниках в казахском обществе, т.е., это давало возможность приравливать тюленгутов к рабам. В данном отношении весьма показательным заключение Зобнина, сделанное на основании знакомства со взглядами на тюленгутов рядовых казахов, с одной стороны, и султанов — с другой: "Взгляды эти в общем отличаются замечательным единообразием. Султаны, заинтересованные в том, чтобы иметь около себя побольше послушных рабов, утверждали, что тюленгуты и кулы (рабы. — В.К.) одно и то же — все они обязаны, что называется, по гроб жизни служить султану. Рядовые же киргизы (казахи. — В.К.) были других мнений".²⁶ К аналогичным выводам об институте тюленгутов у казахов пришла в своей кандидатской диссертации К.Л.Задыхина.²⁷

В начале второй половины XIX в. царская администрация проводила в казахской степи мероприятия по ликвидации рабства, в связи с чем отпал и вопрос о правах султанов на тюленгутов. К 1863 г. было закончено освобождение кулов (невольников) у казахов. Тогда же было приказано не употреблять слово "тюленгут" при переписи казахов. "Постепенно слово «тюленгут» стало

исчезать, — пишет В.Ф. Шахматов, — из употребления и среди самих казахов".²⁸ С этим положением нельзя полностью согласиться, так как сам Шахматов в другой большой работе о казахской общине сообщает, что в XIX в., "когда при султане состояло большое количество тюленгутских хозяйств, имущественно более сильных, чем султанское, тогда эти тюленгуты жили своей аульной общиной. Хотя они и участвовали в хозяйстве султана своим трудом (пасли его скот и т.д.), однако их положение при султане было в хозяйственном отношении независимым. При анализе статистических данных XIX в. о таких тюленгутах создается впечатление, что султан был своеобразным пережиточным придатком при тюленгутской общине. Тюленгутские общины имели своих старшин и мало чем отличались от обычных казахских общин, разве только тем, что между ними не было генетических родовых связей, так как тюленгуты происходили из различных родов ... В середине XIX в. происходило интенсивное разложение института тюленгутов. В этих условиях многие тюленгутские хозяйства уходили от своих султанов, объединялись в общины и жили самостоятельно на тех же правах, что и остальные казахи. Они называли себя казахами Тюленгутского рода, имели своих старшин, биев и т.д.". ²⁹ Уже из этого сообщения видно, что слово "тюленгут" не исчезало среди казахов.

Термин "тюленгут" продолжал бытовать среди казахов и в конце XIX — начале XX в. Члены экспедиций Переселенческого управления³⁰ в своих публикациях неоднократно называли общины, состоявшие из бывших султанов и тюленгутов или же только тюленгутов. Так, основателем трех аулов одной общины близких родственников в Энрекейской волости Семипалатинского уезда был тюленгут;³¹ 26 хозяйственных аула I старшинства Чаганской волости того же уезда состояли "из теленгутов, пришедших сюда к султанам из рода Табын из Туркестана ... Относительно времени заселения этой местности имеются следующие сведения: в 1813 г. здесь осел султан Брали, внук Аблай-хана, с братом Джаменке и с своими теленгутами, а сын его, Чалгымбай, бывший старший султан Каркаралинского округа, распределил зимние пастбища между своими теленгутами; после смерти Чалгымбая

Бралина 60 хозяев из теленгутов ушли в Перовский уезд Сырдарьинской области к своим сородичам рода Табын; раньше теленгутов объединяла власть султана, а ныне — соседство зимних пастбищ, общность кузеу (осенние пастбища. — В.К.) и джайлау (летние пастбища. — В.К.)".³²

Общины, состоящие из султанов и бывших их тюленгутов, имелись в Каркаралинском уезде. Так, 119 хозяйств I старшинства Берккаринской волости состояли из султанов и их тюленгутов, представлявших "отщепенцев родов Салыр (Найманский род), Тама (джетыру) и калмыков, взятых в плен, в калым и приведенных в виде приданных султанских жен и натурализовавшихся в киргизы (казахи. — В.К.)".³³ Три хозяйства аула № 12 IX старшинства Токраунской волости того же уезда имели общего предка — бывшего муллу султана Султангазы Куйкетай, из беглых татар, пришедшего сюда в начале XIX в. и натурализовавшегося в тюленгуты.³⁴

Торе (другое название султанов у казахов) и тюленгуты составляли ряд общин в Лепсинском уезде Семиреченской области.³⁵

Наконец, во время полевых исследований в Казахстане в 70–80-х годах мы встречали упоминания о тюленгутах, которые были при торе. О них рассказывал нам Саидахмед Касенов, потомок, как он считает, в "17-м поколении" хана Аблая, живущий в ауле Ески-Комор Баян-Аульского района Павлодарской области.³⁶ Султан Камбар, имевший в своей собственности земли урочища Каракойун (северные склоны горы Манрака — Восточный Казахстан), жил там только со своими тюленгутами.³⁷

Другие авторы, так или иначе затрагивающие в своих работах институт тюленгутов, уточняли некоторые положения, связанные с изучаемой проблемой. Так, С.З. Зиманов в большой работе, посвященной общественному строю казахов в первой половине XIX в., обратил внимание на рабов как на один из существенных источников пополнения рядов тюленгутов в прошлом.³⁸

Как упоминалось выше, основные источники формирования рядов тюленгутов были изложены в статье Ф.Зобнина, который опирался в своих изысканиях на архивные материалы по казахам,

предоставленные ему секретарем Семипалатинского статистического комитета Н.Я.Коншиным.³⁹ Наиболее полно эти источники описал 30 августа 1833 г., бий Аягузского округа Чобинтай Сагалов; "Тюленгуты приобретаются киргизскими (казахскими. - В.К.) султанами тремя способами. Во-первых, по неимению скотоводства бедные киргизы прибегают к достаточным и остаются у них из-за одного пропитания даже и навсегда со своим потомством. Во-вторых, имеющие скотоводство киргизы, желая обезопасить стада и быть под покровительством, остаются при покровителе также потомственно, а иногда отходят и увольняются по доброй воле владельцами по учинению с ними расчета в содержании и приобретении скота. Если же тюленгут оказывал покровителю верность в услугах, то отпускался и без всяких расчетов даже еще и с наградой. В-третьих, во избежание какого-либо взыскания, правильного или неправильного, киргизы укрываются под покровительство султана или другого влиятельного киргиза. Султан или владетель оказывает таким тюленгутам все от него зависящее к защите пособие. В случае, если у ответчика-тюленгута не достает на расплату с кем-либо скота, то султан и прочие его тюленгуты уплачивают из собственного своего имущества. Такие тюленгуты не могут по своей воле отойти от одного владельца к другому. Что же касается слуг или невольников (кулов), то они приобретаются покупкой, байгами (в качестве приза на байге - скачках. - В.К.), в приданое и в штраф по делам. Эти невольники на отход от владельца никакого права не имеют. Они составляют часть имущества, и владельцы передают их как свое имущество в другие руки, а иногда лишаются через баранту".⁴⁰

Из приведенного отрывка, так же как из сообщения д'Андре, процитированного нами ранее, видно, что права на тюленгутов имели не только султаны. Подтверждение этого мы находим в публикации Переселенческого управления по Лепсинскому уезду: "Тюленгут - значит «оплаченный»; богатч брал себе отсталого от своего рода бедняка, снабжая его маленьким хозяйством, давал ему жену, а он и его дети за это должны были облагодетельствовать своему их баю служить и работать. Бывают случаи, что дети

тюленгута отдавались в приданое".⁴¹ В связи с этим утверждение С.З.Зиманова, что "правом на владение тюленгутами пользовались только ханы и султаны - представители высшего феодального сословия в казахском обществе, происходящие от «белой кости»",⁴² можно было бы подвергнуть сомнению. Однако мы не располагаем иными свидетельствами, кроме приведенных выше, что тюленгуты были и у других казахов.

Нет единой оценки института тюленгутов и в тех работах, где в большей или меньшей степени затрагивался данный вопрос. Так, М.Бижанов в статье, посвященной исследованию социальных слоев казахского общества XVIII в., писал о тюленгутах следующее: "Состав их был неоднородным, сюда относились и бывшие рабы, и бедные казахи. В их числе появились близкие к ханам и султанам лица, которым с большим доверием поручались важные дипломатические и внутриордынские дела. Основное большинство тюленгутов обслуживало хозяйство ханов и султанов. Султаны, покровительствуя тюленгутам, создали себе в их лице политическую опору. Институт тюленгутизма появился и был уничтожен вместе с султанами".⁴³

Соглашаясь с общей оценкой изучаемого нами института, данной М.Бижановым, нельзя поддержать его тезис о том, что тюленгуты являлись политической опорой ханов и султанов. Они были скорее их военной опорой, на что неоднократно указывалось в различных источниках. Так, известно, что хан Среднего жуза - Аблай имел несколько тысяч семей тюленгутов, с помощью которых и воевал. После его смерти тюленгуты перешли по наследству к сыновьям и внукам. Один из них, мятежный султан Кенесары Касимов, имел 1000 аулов тюленгутов.⁴⁴ "Отец Шалгымбая Бырали, - сообщает Я.Янушкевич, - был сыном Тока, а тот - сыном Аблай-хана, после которого они даже наследовали тюленгутов".⁴⁵ Янушкевич пишет, что на притоке р.Каратай - Бигису расположены кочевья султанов, родственников султана Барака, которые очень богаты, "они кочуют отдельно от своей волости, и их окружает видимо-невидимо тюленгутов различных родов".⁴⁶

Г.Е.Марков считает, что тюленгуты представляли собой

сложный по составу социальный слой, "он формировался из бывших рабов, части беднейших скотоводов, кочевавших вместе с представителями «белой кости». Теленгуты работали на своих хозяев, выполняли различные их поручения, в том числе и дипломатические".⁴⁷

Известный исследователь казахского кочевого общества С.Е.Толыбеков говорил, что теленгуты представляли собой небольшую дружину, сформированную в ауле хана или султана из рабов или безродных бедняков. Они использовались главным образом как посыльные и личные слуги хана, а также как домашняя прислуга и пастухи в его скотоводческом хозяйстве.⁴⁸

Наконец, авторы "Истории Казахской ССР", описывая социально-экономические отношения в Казахстане в XVI-первой трети XVII в., сообщают, что теленгуты представляли собой особую прослойку феодально-зависимого населения среди казахов. В соответствии с материальным положением степень их зависимости от султанов была различной. Теленгуты пасли и охраняли скот султанов, охраняли самого хозяина и его семью, привлекались к исполнению административных и дипломатических поручений, во время военных походов составляли личную охрану ханов и султанов.⁴⁹

В добавлении к вышеизложенному хотелось бы высказать некоторые соображения об институте теленгутов, опираясь на ряд письменных источников по истории казахских ханств в XV-XVII вв., находящихся в нашем распоряжении, а также на материалы собственных полевых исследований.

Прежде всего хочется обратить внимание на вопросы о происхождении термина "теленгут" и о времени возникновения самого института теленгутов.

Первым, кто предложил считать казахское слово "теленгут" происходящим от военнопленных из теленгутов Южного Алтая, был В.В.Радлов.⁵⁰ Н.А.Аристов также утверждает, что теленгуты, "рассеившиеся во всей Средней орде" казахов, состоят главным образом из теленгутов, забранных в плен и обращенных в рабство казахскими ханами и султанами во время набегов первой половины XVII в. на Алтай.⁵¹

Ф.Зобнин развил предположение дальше. Он пишет: "Тюленгут (теленгут, тулунгут – по некоторым авторам) – слово не киргизское (казахское. – В.К.), оно заимствовано киргизами от алтайских калмыков-теленгетов (теленгуты, теленгиты) (в настоящее время общепринято, что алтайские теленгиты тюркоязычны. – В.К.), в языке которых и теперь сохранилось это слово как обозначение своей народности".⁵² Далее автор приводит факты близости теленгитов к казахам, в том числе легенду о переходе их на р.Чуя: "Прежде теленгиты жили на Телецком озере, жили богато, всего у них было довольно, одно было горе – часто делал на них набеги киргизский (казахский. – В.К.) батыр Кочкорбай. С воинами своими врывался он к ним, со всех сторон закрытый щитами. Многих убивали они, многих уводили в плен".⁵³ В.Ф.Шахматов считает данное мнение, построенное лишь на сходстве двух слов ("теленгит" и "теленгут"), недостаточным вниманием.⁵⁴ Он предлагает производить термин "теленгут" от слов *т ю р е* – "господин", *с у л т а н* и *к у т у* – "служить", "заботиться", "ухаживать". Первоначально якобы возникло выражение *т ю р е н д е к у т у* – "служить (ухаживать) у султана". Затем оно преобразовалось в форму *т ю л е н г у т* с переходом звуков "р" в "л" и "к" в "г". В качестве подтверждения этой версии он ссылается на казахское предание, рассказанное И.И.Ибрагимовым, что когда-то Аблай-хан сказал "людям, сопровождавшим султанов, собравшимся к нему в аул для какого-то совета: (*тюренгди кут* [служите своему господину], т.е. идите на свои места, не сидите, другими словами, на совете)...".⁵⁵

Предположение В.Ф.Шахматова о происхождении термина "теленгут" нам представляется не очень убедительным, так как по правилам казахского языка непонятно, откуда в выражении "тюренде куту" носовое "нг"? Во-вторых, Аблай-хан жил в XVII в., когда слово "теленгут" уже существовало. И, в-третьих, в слове "теленгут", как и в слове "теленгит", окончание "уг", "ит" – монгольское множественное число. В связи с этим нам кажется более правильным вернуться к первоначальному предложению В.В.Радлова и Н.А.Аристова – считать слово "теленгут" заимст-

вованным от слова "теленгит". Один из путей заимствования был указан этими авторами, а также Ф.Зобниным. Не менее важным, по нашему мнению, является сообщение Ч.Ч.Валиханова о том, что в составе казахских родоплеменных объединений были теленгиты: "Из существования рода Боргут между бухарскими узбеками и киргизов между нагайцами, и туленгутов (теленгитов. - В.К.) между казахами - нельзя сомневаться в участии их, хотя, может быть, и в ничтожном числе родов, в военной эмиграции монголов".⁵⁶

Переходя к вопросу о времени появления тюленгутов среди казахов как определенной социальной группы, мы должны отметить, что ответить на него в настоящее время не представляется возможным. Лишь в порядке постановки вопроса можно сказать, что, например, в имеющихся в нашем распоряжении письменных источниках XV-XVIII вв. о казахам⁵⁷ термин "тюленгут" не встречается. Исключение составляет упоминание о племени туленгит у Рашид ад-дина⁵⁸ и о поколении толенгут у Абул-Гази.⁵⁹ Однако, как пишет об этом К.Л.Задыкина, "эти сведения настолько общи и случайны, что основывать на них какие-либо заключения совершенно не приходится".⁶⁰ Более того, Т.И.Султанов, рассматривая общественно-политическое устройство казахского общества XVI-XVII вв., опираясь главным образом на письменные источники, не упоминает о тюленгутах,⁶¹ хотя и отмечает наличие рабов. Означает ли это, что в данное время их как отдельной социальной группы у казахов еще не было?

К сказанному добавим, что в известном законодательном памятнике казахов, к сожалению, единственном и дошедшем до нас в фрагментарном состоянии, "Жети Жаргы", или "Семь установлений", творцом которого, по преданию, был хан Тауке (умер около 1718 г.), о тюленгутах тоже ничего нет,⁶² о рабах же говорится, что они лишены всех прав. Из этого можно сделать вывод, что во время создания "Жети Жаргы" (или, как еще встречается в научной литературе, "Уложений хана Тауке"), которое Т.И.Султанов относит к 70-м годам XVII в., тюленгутов у казахов не было.⁶³ Однако можно предположить и другое: что в то время по своему правовому положению они мало чем от-

личались от рядовых казахов.

Действительно вернемся еще раз к тому, что сказал в середине XIX в. д'Андре на основании сообщений, собранных им у казахов - знатоков своего права, о тюленгутах: они не отличались ничем от простых казахов, кроме одного права клеймить свой скот султанской тамгой, а также "семейством, равно как и имуществом, тюленгута распоряжаться никто не вправе. Судятся биями и другими наравне с прочими ордынцами. Особых повинностей султану не несут".⁶⁴ А.Левшин сообщал в 1832 г., что тюленгуты "принадлежат вообще к простому народу и пользуются одинаковыми с ним правами".⁶⁵ Вполне можно предположить, что составителям "Уложений хана Тауке" не было необходимости выделять тюленгутов, как например рабов (кулов), от остальной массы рядовых казахов.

Ограничимся постановкой вопроса о времени происхождения института тюленгутов в казахском обществе. Очевидно, что необходимы специальные исследования для получения окончательного ответа на этот вопрос.

Каково же было положение тюленгутов в казахском патриархально-феодальном обществе? Представляется, что для получения правильного ответа на этот вопрос необходимо время бытования и развития института тюленгутов разделить на два основных периода: до присоединения Казахстана к России и после этого события.

Обобщая имеющиеся в нашем распоряжении материалы различных источников, а также исследования по тюленгутам, которые представляли в патриархально-феодальном обществе казахов до присоединения их к России особую социальную группу, можно сделать следующие выводы. Во-первых, эта группа была неоднородной. Как уже отмечалось выше, среди тюленгутов имелись как бедные, получившие от султана все имущество, в том числе скот, так и зажиточные. Различались тюленгуты и по своему этническому происхождению. В основном это были, конечно, казахи, но и они, переходя под покровительство султана, полностью порывали со своими однородцами и общиной. Так, например, султан Камбар, сын Санияза, являлся владельцем большого рода казахов-

-байджигитов, входящего в родоплеменное объединение Найман Среднего жуза. Тюленгутами же у них были казахи из родов Ар-гын, Уак, Алшин, Тубукты, Керей и др.⁶⁶ В Кентской волости Каркаралинского уезда существовали аулы тюленгутов султана Букейхана из казахских родов Канжигалы, Сргели, Тогалак, Караул и др.⁶⁷ Значительную часть тюленгутов составляли не казахи. У упомянутого выше султана Камбара в тюленгутах были узбеки, туркмены, киргизы, татары и даже один китаец. Имелся у него тюленгут из русских. Камбар дал ему в жены казашку и обратил в мусульманство. Впоследствии этот русский тюленгут разбогател, у него выросли два сына - Данияр и Даут. Однажды, когда отец долго отсутствовал, мать послала их искать его. Во время поисков они увидели, что отец жарит и ест мясо кабана. Это их удивило. Ничего не сказав отцу, юноши пошли к матери и все ей рассказали. Мать послала их к сыну Камбара - Шотану. Тот собрал мулл. Последние все обсудили, вычитали из Корана, что отступника от веры необходимо убить. Это было поручено сделать сыновьям. Данияр и Даут потом стали крупными рыбопромышленниками (они жили на берегу Иртыша). В 1973 г. во время полевой работы в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области нам сообщили, что потомки русского тюленгута жили в поселке Приозерном.⁶⁸ Потомок султана Камбара Гумар Кралиев, которому было 63 года, когда мы с ним беседовали в ауле Жарсу Зайсанского района, рассказывал, что Камбар принимал под свое покровительство всех, кто обращался к нему. Как правило, это были люди, которые, совершив что-либо противозаконное, бежали из своего рода или же страны. Камбар, принимая их, спрашивал, по какой причине они покинули свою родину. Потом он говорил каждому, что "теперь ты будешь у меня, будешь сыном Санязза (напомним, что Санязз являлся отцом Камбара. - В.К.). Дает землю, скот, женит. Были тюленгуты из аргынов, уаков, алшин, киргиз, туркмен, узбеков, абдал, тубукты, все как дети были. Теперь их потомки Санязз называются. До революции было три старшинства (старшинства насчитывали несколько десятков хозяйственных аулов. - В.К.): У, VI, VIII старшинств Манракской волости Зайсанского уезда".⁶⁹ По сообщению другого информа-

тора, Камбар имел 47 тюленгутов, которые все считались "синовьями Санязза". Перед революцией это был уже род Санязз, насчитывавший около 200 хозяйств.⁷⁰ У султана Адилы Аблаева, как сообщает Ч.Ч.Валиханов, кочующего по р.Терсаккан, тюленгут по имени Капсалам Инияз происходил из астраханских татар.⁷¹ Хозяйственный аул VII старшинства Чаганской волости Семипалатинского уезда, где аксакалом в конце прошлого века был Оспан Тентиз, составляют тюленгуты султанов - потомков Аблай-хана. Они происходят от татар, "приписавшихся киргизами (казахами. - В.К.)".⁷²

Много тюленгутов было из калмыков. И это понятно, если учесть, что борьба между казахами и джунгарами (калмаками, как их звали казахи) продолжалась начиная с XVIII в. более столетия. Значительная часть хозяйственных аулов I старшинства Берккаринской волости Каркаралинского уезда состояла из тюленгутов. Некоторые из них были из "калмаков, взятых в плен, в калым и приведенных в виде приданных султанских жен и натурализовавшихся в киргизы (казахи. - В.К.)".⁷³ Очень интересные данные сообщаются о тюленгутах II старшинства этой волости. В одном из аулов жили тюленгуты из калмыков и "беглые из Европейской России татары, натурализовавшиеся в киргиза (казаха. - В.К.), даже служа муллою у султана Турсына, награжденные чинами; дед хозяйственных аулов № 38, № 4I был каким-то советником".⁷⁴

Н.Коншин в статье о родовом составе казахов Каркаралинского округа на основании материалов, собранных у казахов в 1853 г., сообщает, что в этом округе существовала тюленгутовская волость, заселенная родом Тюленгут, который подразделялся на три отделения: Мамадаир - из каракиргизов (киргизов) - около 700 хозяйств; Кусчи - 350; Калмак - 450 хозяйств. В другой волости - Берккаринской род Тюленгут делился на восемь отделений: Тоты - 30 хозяйств; Джалаир - 50; Камбар - 70; Канжигалы - 150; Садыр - 30; Киргыз - 50; Тлеу - 52; Айткымбет - 80 хозяйств.⁷⁵

Довольно часты были браки казахов на калмычках. Упоминанный выше султан Камбар также был рожден от брака султана Са-

нияза с дочкой калмыцкого предводителя, которая была захвачена во время сражения. Ее звали Кoko. Санияз женился на ней, когда ему было под 70 лет. Кoko родила Саниязу трех сыновей: Камбара, Токтакушука и Жабая. До этого у него детей не было.⁷⁶

Из сказанного выше необходимо выделить одно очень важное обстоятельство: султаны часто усыновляли прибегнувших под их покровительство, превращая тем самым этих людей в своих тюленгутов. П.Е.Маковецкий, обобщая собранные при опросе казахов в Семипалатинском, Павлодарском и Каркаралинском уездах в 1882 г. данные, пишет, что "в прежние времена часто встречались случаи усыновления детей рабов, а султанами - тюленгутов".⁷⁷ Об этом упоминает также А.К.Гейнс.⁷⁸ Некоторые авторы сообщают о том, что ряды тюленгутов пополнялись за счет военнопленных (в первую очередь калмыков, как мы указывали выше), отпущенных рабов и их детей. Так, А.Харузин писал: "Как за Уралом, так и в Букеевской орде стояли они (тюленгу-ты. - В.К.) некогда не только вне родов, но считались даже прямо состоящими при султанах и ханах в качестве крепостных; однако они всегда отделялись от рабов, хотя на права тюленгутов становились вольноотпущенные рабы и дети рабов".⁷⁹ Представляется, что процесс превращения военнопленных и рабов или их детей в тюленгутов происходил путем усыновления.

Интересные сведения об обычае усыновления у казахов сообщает К.Л.Задыкина: "Усыновленный раб назывался «киимды туган бала» - «сын, родившийся одетым». Это выражение свидетельствует не только о переходе раба в разряд свободных людей, но и указывает на включение усыновленных в круг семьи, в круг близких. Это же выражение применялось и в отношении тюленгутов и указывало на то, что последние являлись людьми, близкими к султану, к его дому, к его ставке, и составляли его постоянное окружение как на войне, так и в мирной обстановке. Известно также, что тюленгуты усыновлялись иногда султанами и что на свой скот ставили тамгу султана".⁸⁰ Добавим к этим сообщениям свидетельство Н.Гродекова: "Тюленгуты были клиенты и джигиты из бедных, служившие у тюрей (султанов. - В.К.) и усыновляемые ими".⁸¹ Вряд ли необходимо говорить о том, что

тюленгуты, получившие от султана все условия для жизни: землю, скот, семью, а подчас и имя своих покровителей, - находились по крайней мере в личной зависимости от них.

Итак, мы рассмотрели довольно подробно еще один способ пополнения рядов тюленгутов, о котором в литературе если и говорилось до сих пор, то только вскользь, мимоходом.

Следующее, на чем хотелось бы остановить внимание, - это обязанности тюленгутов по отношению к султанам, своим покровителям. Почти во всех источниках (письменных, архивных, полевых), где говорится о тюленгутах, указывается, что они осуществляли охрану, вооруженную защиту султана и его семьи, которая являлась одной из основных обязанностей. Так, А.Левшин считал, что тюленгуты - "слуги и вооруженная дворня"; вслед, очевидно, за ним то же самое повторяет П.П.Румянцев.⁸² В материалах, собранных д'Андре в середине XIX в. среди казахов, о тюленгутах сказано: "...целыми семьями являлись к султанам, прося покровительства и средств к существованию, взамен предлагая свои услуги, а в военное время - быть вроде тел-охранителей".⁸³ Г.Загряжский и Н.Гродеков считали тюленгутов джигитами при ханах и султанах.⁸⁴ Наконец, Н.А.Аристов и Ф.Зобнин прямо указывают, что тюленгуты были дружинниками.⁸⁵ М.Вяткин и В.Ф.Шахматов, опираясь на архивные документы из Центрального государственного архива КазССР, сообщают, что тюленгуты выполняли дипломатические поручения своих ханов и султанов, использовались ими как послы и т.д.⁸⁶

Среди материалов наших полевых исследований есть сообщения, что у упоминаемого выше султана Камбара имелись тюленгуты-батыры, т.е. воины. Когда он решил распространить свою власть кроме рода Байджигит, еще и на род Кирей, потому что их прежний владелец Алдияр умер, то без сопротивления прошел со своими тюленгутами почти всю землю киреев. И только около аулов Алдияра Камбар подвергся нападению, которое организовала дочь Алдияра - Шайлы. Она убила нескольких тюленгутов Камбара, но потом погибла сама. Ее могила находится в урочище Шайбулак.⁸⁷

Во многих исследованиях, в которых так или иначе затра-

тивалась проблема тюленгутов, высказывалось соображение, что основной функцией их являлась охрана ханов и султанов, что они составляли их личную охрану, и т.д. Иначе говоря, тюленгуты у казахов были дружинниками. Так, А.П. Чулошников пишет, что находившиеся при ханах и султанах тюленгуты "составляли собою единственную их опору и были у них чем-то вроде почетной военной стражи".⁸⁸ По М. Вяткину, тюленгуты казахских владельцев "были связаны с ними отношениями личной, а не крепостной зависимости, выполняли их личные поручения, по преимуществу же, в подавляющем большинстве случаев, составляли их дружину".⁸⁹ Так же считают С.В. Юшков, С.Е. Толыбеков и др.⁹⁰

К.Л. Задыкина, проанализировав имеющиеся в ее распоряжении материалы письменных и литературных источников, архивные документы, пришла к выводу, что "принимая тюленгутов, каждый хан или султан имел возможность формировать из них при себе постоянные военные дружины, что способствовало укреплению его власти и общественного положения. Роль же тюленгутов в качестве дружины и военной силы казахских ханов и султанов проявлялась не только в XVIII в., но и в первые десятилетия XIX в."⁹¹ "Часть тюленгутов, — говорится в т.2 "Истории Казахской ССР", — обслуживала хозяйство султана и выступала в качестве воинов тогда, когда предстояли военные действия. Другая часть тюленгутов постоянно находилась при султани (или хане) в его ставке и выполняла его поручения, собирала зякет и согум (налоги. — В.К.), исполняла судебные решения, являлась гонцами, слугами и т.д."⁹²

Представляется, что все сказанное выше убедительно свидетельствует о том, что одной из основных функций тюленгутов при султанах и ханах до присоединения Казахстана к России являлась военная, а сами они были дружинниками. В недавно вышедшем первом выпуске свода этнографических понятий и терминов "Социально-экономические отношения и соционормативная культура" понятие "дружина" характеризуется следующим образом: "Объединение воинов вокруг военного предводителя, позднее — ближайшее военное окружение князя или короля".⁹³ И далее:

"В предклассовых и раннеклассовых обществах дружина выполняла не только грабительские и захватнические функции по отношению к внешнему окружению, но и выступала в роли лейбгвардии владетеля. Она давала ему возможность сломить сопротивление наследственной родоплеменной аристократии и жречества или духовенства, а также свободных общинников, противившихся узурпации власти. Дружины этого времени нередко пополнялись за счет людей, находившихся вне закона, изгоев, кровников, которые искали здесь защиты от кредиторов, кровомстителей и т.д."⁹⁴

Все сказанное о дружине прямо относится к казахским тюленгутам. В связи с этим вызывает недоумение возражение С.З. Зиманова против причисления их к категории дружинников под тем предлогом, что это якобы лишь внешнее сходство. Конечно, как пишет сам Зиманов, механически отождествлять тюленгутов с русскими дружинниками, монгольскими нукерами и т.д. нельзя ввиду различий конкретно-исторической обстановки.⁹⁵ Однако сущность этого явления, как нам представляется, одна.

Нельзя согласиться и с С.В. Юшковым, который рассматривал развитие института тюленгутов от дружинников к крепостным.⁹⁶ Скорее, процесс шел по линии, характерной для общего развития дружины и дружинников. Так, очевидно, и было бы у казахов, если бы естественный ход развития патриархально-феодального общества у них не был прерван и деформирован присоединением Казахстана к России, которое началось в первой трети XVIII в. и продолжалось до середины XIX в.

Это событие круто изменило положение тюленгутов, как, впрочем, и самих ханов и султанов. После присоединения Казахстана к России и усмирения казахской степи у казахских феодалов отпала необходимость в военной силе, которую представляли для них тюленгуты, как для борьбы между собой, так и для удержания в повиновении рядовых казахов. Тюленгуты стали больше значить для ханов и султанов в качестве даровой рабочей силы, поэтому — то они и стали стараться, особенно ознакомившись с крепостными порядками Центральной России, превратить своих бывших дружинников в крепостных. Этому, естественно, яростно сопротивлялись сами тюленгуты. Свидетельством тому являются много-

численные архивные документы, приведенные частично в работах Ф.Зобнина, М.Вяткина, В.Ф.Шахматова и других исследователей.

С ликвидацией ханской власти в казахской степи в 20-х годах XIX в. и последующим приравнением султанов к общей массе казахов проблема взаимоотношений тюленгутов с султанами отпала. Они также были приравнены к простым казахам. Важно отметить только, что там, где тюленгуты жили большой компактной массой, они зачастую в силу традиции объединялись в общины и роды, которые назывались или просто тюленгутскими, или же по имени своего прежнего покровителя — султана. Так в Манракской волости Зайсанского уезда, как было сказано выше, образовался род Санияз из прежних тюленгутов султана Камбара, который был сыном султана Санияза и который всех своих тюленгутов тоже считал детьми Санияза.⁹⁷ В.Ф.Шахматов сообщает, что в Среднем жузе из бывших ханских и султанских тюленгутов возник Тюленгутский род. Такой же род появился в Букеевской орде.⁹⁸ Более того, к концу прошлого века род Тюленгутов в Букеевской орде уже разделился на шесть отделений: Кекинево, Джанганово, Корабаево, Дуваново, Тангыркулово и Калмаково, — причем последнее имело еще подотделение — Мергеново.⁹⁹ Интересно отметить, что казахи этих родов не имели собственной тамги и продолжали клеймить свой скот султанской тамгой. То же самое, как мы указывали выше, сообщает Н.Коншин и другие авторы.

На этом мы позволим себе закончить наши изыскания по институту тюленгутов у казахов, еще раз подчеркнув, что в период до присоединения Казахстана к России эта довольно сложная по своему составу и происхождению феодально-зависимая от высшего слоя казахских феодалов (ханов и султанов) группа представляла собой военных слуг, т.е., иначе говоря, дружинников.

¹ Тюленгут — наиболее принятое в советской исторической литературе название этого термина. По-казахски — тэлеңгіт (Орфографический словарь ка-

захского языка. Алма-Ата, 1978. С. 386. На каз. яз.).

² Шахматов В. Ф. Институт тюленгутства в патриархально-феодальном Казахстане // Изв. АН Каз. ССР. Сер. истории, экономики, философии, права. 1955. Вып. 2.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же. С. 79-81.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Гродеков Н. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889. Т. I: Юридический быт. С. 6.

⁷ Янушкевич Я. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966.

⁸ Гейнс А. К. Киргизские очерки // Воен. сб. 1966. № 1.

⁹ См., напр.: Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (Семипалатинская область, Каркаралинский уезд). СПб., 1905. Т. 6; 1909. Т. 10; Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П.Румянцева. СПб., 1911. Т. I: Лепсинский уезд. Вып. I: Киргизское хозяйство.

¹⁰ Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924. Ч. I: Древнее время и средние века. С. 203.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Вяткин М. Тюленгуты в XVIII в. // Изв. Каз. фил. АН СССР. Сер. ист. Алма-Ата, 1940. Вып. I. С. 24.

¹³ Там же. С. 25-26.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941. Т. I: С древнейших времен по 1870 г.

¹⁶ Там же. С. 113.

¹⁷ Там же. С. 214.

- 18 Историк-марксист. 1941. № 4. С. 137.
- 19 Там же. С. 138.
- 20 "Дружина должна была защищать вождя, вождь - содержать дружину" (БСЭ. Т. 8. С. 512).
- 21 Ф у к с С. Некоторые моменты из истории казахского права и "Описание киргизских обычаев" д'Андре // Изв. АН КазССР. № 50. Сер. юрид. Алма-Ата, 1948. Вып. 1. С. 91.
- 22 Там же.
- 23 З о б н и н Ф. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи // Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год. Семипалатинск, 1901. Вып. 4. С. 39-44.
- 24 Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений д'Андре в 1846 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата, 1948. Сб. 1. С. 136-137.
- 25 Ш а х м а т о в В. Ф. Институт тюленгутства... С. 102-105.
- 26 З о б н и н Ф. Указ. соч. С. 37.
- 27 З а д ы х и н а К. Л. Тюленгуты у казахских ханов и султанов XVIII и XIX вв. // Арх. ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 1, д. 71.
- 28 Ш а х м а т о в В. Ф. Институт тюленгутства... С. 106.
- 29 Ш а х м а т о в В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община: (Вопр. образования, эволюции и разложения). Алма-Ата, 1964. С. 73.
- 30 В 1895 г. Министерство земледелия и государственных имуществ приняло решение исследовать Казахстан с целью выявления излишков земли для колонизации края. Руководство и финансирование этой работы было поручено сначала Комитету Сибирской железной дороги, а затем Переселенческому управлению.
- 31 Материалы по киргизскому землепользованию... Т. 10. Приложение к пообщинным таблицам. С. 80.

- 32 Там же. С. 39.
- 33 Там же. Т. 6. Примечания к пообщинным таблицам. С. 50.
- 34 Там же. С. 58.
- 35 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования... Т. 1. С. 38.
- 36 К у р ы л е в В. П. Полевой дневник этнографической экспедиции в Павлодарскую область КазССР в 1985 г. // Арх. ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 2, д. 1432, л. 16.
- 37 К у р ы л е в В. П. Полевой дневник этнографической экспедиции в Восточно-Казахстанскую область КазССР в 1973 г. // Арх. ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 2, д. 972, л. 11.
- 38 З и м а н о в С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958. С. 276-278.
- 39 З о б н и н Ф. Указ. соч. С. 2.
- 40 Там же. С. 39.
- 41 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования... С. 244.
- 42 З и м а н о в С. З. Указ. соч. С. 275.
- 43 Б и ж а н о в М. Социальные категории казахского общества XVIII в. в трудах русских ученых // Казахстан в XV-XVIII вв.: (Вопр. соц.-полит. истории). Алма-Ата, 1969. С. 169.
- 44 Ш а х м а т о в В. Ф. Институт тюленгутства... С. 92.
- 45 Я н у ш к е в и ч Я. Дневники и письма... С. 191.
- 46 Там же. С. 142.
- 47 М а р к о в Г. Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественная организация. М., 1976. С. 154.
- 48 Т о л ы б е к о в С. Е. Кочевое общество в XVII-начале XX в.: Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. С. 264.
- 49 История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 352; Т. 3. С. 61.
- 50 R a d l o f f W. Aus Sibirien. Leipzig, 1893. Bd 1. S. 526.

- 51 Аристов Н. А. Заметки об этническом составе
тюркских племен и народностей // Живая старина. Спб.,
1896. Вып. 3-4. С. 372.
- 52 Зобнин Ф. Указ. соч. С. 27. Теленгиты - ко-
ренное тюркоязычное население Южного Алтая.
- 53 Там же. С. 28.
- 54 Шахматов В. Ф. Институт тьелнгутства...
С. 85.
- 55 Ибрагимов И. И. Воспоминания о Чокане //
Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 5.
С. 415.
- 56 Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах // Собр.
соч. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 63-64.
- 57 Материалы по истории казахских ханских XV-XVIII вв. :
(Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-
Ата, 1969; Фазлаллах ибн Рузбихан
Исфাহани. Записки бухарского гостя. М., 1978.
- 58 Рашид эд-дин. Сборник летописей : История мон-
голов / Перс. текст с предисл. И.Н.Березина // Тр.
Вост. отд. имп. Археол. о-ва. Спб., 1868. Ч. 13.
С. 100.
- 59 Абуль-Гази. Родословное древо тюрков / Пер.
и предисл. Г.С.Салбукова // Изв. О-ва археологии, исто-
рии и этнографии при Казан. ун-те. Казань, 1905.
Т. 21, вып. 5-6. С. 41.
- 60 Задыхина К. Л. Указ. соч. Л. 26.
- 61 Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в
XV-XVIII вв.: (Вопр. этн. и соц. истории). М., 1982.
- 62 Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней
и Малой орды // Сиб. вестн. 1820. Ч. 9;
Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-
кайсацких орд и степей. Спб., 1832. Ч. 3.
- 63 Султанов Т. И. Указ. соч. С. 65.
- 64 Материалы по казахскому обычному праву... С. 136.
- 65 Левшин А. Указ. соч. С. 12-13.
- 66 Курyleв В. П. Полевой дневник этнографической

- экспедиции в Восточно-Казахстанскую область..., д. 973,
л. 11, 45. Следует отметить, что в архиве Ч.Ч.Валиха-
нова сохранился путевой журнал поездки на Восток
Н.И.Любимова 1845 г., где отмечалось, что казахи рода
Байджигит собирались в то время принять русское под-
данство и что султанами у них были Шаньяз и его сын
Камбар. Шаньяз же приходится сыном Асулрайза, а послед-
ний - Аблай-хана (Путевой журнал поездки на Восток
Н.И.Любимова. 1845 г. // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.
Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 304).
- 67 Материалы по киргизскому землепользованию... Примеча-
ние к пообщинным таблицам. С. 28.
- 68 Курyleв В. П. Полевой дневник этнографической
экспедиции в Восточно-Казахстанскую область..., д. 973,
л. 43, 45.
- 69 Там же.
- 70 Там же, д. 972, л. 7, 8.
- 71 Записки купца Исаева // Валиханов Ч. Ч. Собр.
соч. Алма-Ата, 1964. Т. 3. С. 303.
- 72 Материалы по киргизскому землепользованию... Т. 6.
Примечания к пообщинным таблицам. С. 39.
- 73 Там же. С. 50.
- 74 Там же. С. 66.
- 75 Коншин Н. Заметка о киргизских родах в Карка-
ралинском крае // Памятная книжка Семипалатинской об-
ласти на 1902 г. Семипалатинск, 1901. Вып. 6.
С. 43, 49.
- 76 Курyleв В. П. Полевой дневник этнографической
экспедиции в Восточно-Казахстанскую область..., д. 973,
л. 43, 44.
- 77 Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные
Семипалатинским областным статистическим комитетом в
1886 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Ал-
ма-Ата, 1948. Сб. 1. С. 260.
- 78 Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. Спб.,
1897. Т. 1. С. 434.

- 79 Харузин А. Киргизы Букеевской орды. М., 1889. С. 30.
- 80 Задыхина К. Л. Указ. соч. Л. 4.
- 81 Гродеков Н. Указ. соч. С. 6. Пока мы не можем из-за отсутствия материалов установить, происходило ли это усыновление в соответствии с бытовавшими обрядами у казахов по данному поводу.
- 82 Левшин А. Указ. соч. С. 12. Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. С. 19.
- 83 Материалы по казахскому обычному праву... д'Андре... С. 136.
- 84 Загряжский Г. Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1876. Вып. 4. С. 153; Гродеков Г. Указ. соч. С. 6.
- 85 Аристов Н. А. Указ. соч. С. 385; Зобнин Ф. Указ. соч. С. 33.
- 86 Вяткин М. Тюленгуты в ХУШ в. С. 24; Шахматов В. Ф. Институт тюленгутства... С. 97.
- 87 Курyleв В. П. Полевой дневник этнографической экспедиции в Восточно-Казахстанскую область..., д. 973, л. 45. Автор статьи во время экспедиции в Восточно-Казахстанскую область видел могилу Шайлы.
- 88 Чулошников А. П. Указ. соч. С. 216.
- 89 Вяткин М. Тюленгуты в ХУШ в. С. 24.
- 90 Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1950. Ч. 1. С. 454; Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 364.
- 91 Задыхина К. Л. Указ. соч. Л. 138.
- 92 История Казахской ССР... Т. 2. С. 332.
- 93 Социально-экономические отношения и соционормативная культура // Свод этнографических терминов и понятий. М., 1986. С. 52.
- 94 Там же. С. 53.
- 95 Зиманов С. З. Указ. соч. С. 276.
- 96 Юшков С. В. Указ. соч. С. 454.
- 97 Курyleв В. П. Полевой дневник этнографической

- экспедиции в Восточно-Казахстанскую область..., д. 973, л. 45.
- 98 Шахматов В. Ф. Институт тюленгутства... С. 105.
- 99 Харузин А. Указ. соч. С. 33.

Р. Я. Рассудова

ОЧЕРКИ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЙСКА В БУХАРСКОМ И КОКАНДСКОМ ХАНСТВАХ (XIX в.)

В XIX в. войско и военная организация в Бухарском и Кокандском ханствах оставались одной из важных основ государственного строя и административного деления. Принципы набора, состав и особенно содержание (т.е. оплата) войска были непосредственно связаны также с хозяйственными условиями тех или иных районов и этносоциальным делением их населения. Данный вывод сделан нами на основе немногочисленных и весьма фрагментарных материалов, разбросанных к тому же в литературе, освещающей иные аспекты феодального общества. Отсутствие обобщающих работ о военной организации в обоих ханствах определяет необходимость специального и разностороннего исследования указанной проблемы или необходимость ограничиться каким-либо одним вопросом, что и делается в данной статье.

Здесь мы останавливаемся на организации войска и связи его с этническим делением (или отсутствием такового) населения, т.е. первичным естественным условием труда в производстве, предшествовавшем капиталистическому. Постановку первым именно этнического вопроса можно объяснить также настойчивым утверждением ряда авто-